

УДК 811.1:81'42

И.М. Сырко

канд. филол. наук, доц. каф. германских языков и переводоведения
Дрогобычского государственного педагогического университета имени Ивана Франко
(Украина)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДНЕВНИКОВ В РУССКОЙ ДИАРИУМОЛОГИИ

В статье предложен обзор актуальных для современной русской диариумологии теорий относительно определения дифференциальных признаков и критериев «дневниковости». Отмечено, что учет этих признаков способствует созданию классификационных схем дневниковых модификаций. Среди главных критериев выделено объективную необходимость, цель, задачи, идейно-смысловое наполнение записей, наличие их литературной обработки, степень завершенности, время написания, способ отбора материала, объект изображения, психологический тип личности автора и др. Классификации, построенные на основе только одного критерия, не могут считаться полными и исчерпывающими.

Усиление авторского и читательского интереса к дневникам, их не окончательно определенный статус, жанровый синкретизм, проектируемый на различные виды документального и художественного текста, нечеткость критериев квалификации «дневниковости», условность классификационных схем обуславливают необходимость углубленного изучения дневникового дискурса. Среди имеющихся на сегодня исследований в русском дневниковедении внимания заслуживают монографические труды О.Г. Егорова и М.Ю. Михеева, диссертационные исследования и научные статьи Т.С. Голубевой, Е.П. Гречаной, А.А. Зализняк, К.Р. Кобрина, Е.Г. Новиковой, К.С. Пигрова, О.С. Сахно, В.К. Харченко, М.Г. Чулюкиной, Е.Е. Чуриловой.

Общий обзор этих трудов и справочно-библиографической литературы свидетельствует о том, что современные филологические исследования дневниковых записей сосредоточены в основном на описании их поэтики и жанрообразующих параметров, на констатации специфики взаимодействия устной и письменной живой речи в дневниковых текстах, определении их места в системе других автодокументальных жанров, на характеристике стилового своеобразие и индивидуально-авторской концептосферы отдельных дневников. Следует отметить выразительную и устойчивую тенденцию к акцентированию целей и функций дневников, их литературных возможностей, к объективации проблемы соотношения автора и героя в дневниковых записях. Вместе с тем вопрос классификации текстов остается одним из наиболее дискуссионных и проблемных в методологии дневниковедения.

В настоящее время в отечественной и в зарубежной диариумологии нет четкой классификации дневников, которая стратифицировала бы тексты на группы и подгруппы по определенным дифференциальным признакам. Исследователи при выборе классификационной схемы руководствуются различными критериями, среди которых типичными являются объективная необходимость, цель, задачи, характер источниковой базы исследования. Учитываются и такие параметры, как идейно-смысловое наполнение записей, наличие их литературной обработки, степень завершенности, время написания, способ отбора материалов, объект изображения, психологический тип личности автора и др. Применение тех или иных классификационных схем зависит также от целей и задач, которые ставят исследователи. Такое разнообразие подходов мотивирует существование многих методик анализа дневниковых текстов, иногда с определенно отличающимися принципами (Н.Б. Банк, К. Войлле, О.Б. Боброва, Е.В. Богданова, О.Г. Егоров, М.Ю. Михеев) и свидетельствует об отсутствии единого критерия классификации.

Вопросы методологии исследования жанра дневника, уже отмеченное отсутствие четких критериев систематизации текстов, «условность» существующих классификаций являются предметом научных интересов О.Г. Егорова. В исследовании литературного дневника XIX в. ученый осуществляет анализ разновидностей дневниковых текстов и предлагает одну из самых разветвленных в современной диариумологии классификационных схем. Отмечая неоспоримое существование *собственно дневников* (дневников для себя, личных дневников) и *литературных дневников* (предусматривающих публикацию и внешнего адресата), ученый делает обоснованные выводы относительно принципов и критериев отбора дневникового материала и его деления и на их основании разрабатывает разветвленную внутрижанровую классификацию. Среди четырех форм бытования дневника наиболее продуктивной, по мнению О.Г. Егорова, является *классическая*. Три других он связывает с популярными жанрами нехудожественной прозы (письмо, воспоминания), квалифицируя их как *эпистолярный дневник*, *дневник в письме* и *дневник, встроенный в мемуары*. Продуктивность жанра *эпистолярного дневника* обусловлена его своеобразным промежуточным положением между двумя формами бытового литературного письма: *собственно дневником* и *эпистолярием* (*эпистолярный дневник* синтезирует признаки обоих видов). Характерной особенностью этого типа записей ученый считает их временную ограниченность: если *классический дневник* ведут на протяжении длительного времени, иногда всю сознательную жизнь, то *эпистолярный* связан с определенным периодом в жизни автора. Менее продуктивная форма дневника – *дневник в письме*. Его отличие от эпистолярных записей заключается в том, что диарист опережает дневниковую часть корреспонденции информацией, свойственной обычным письмам. Третья жанровая форма – *дневник, встроенный в мемуары*, «выполнял не функцию материала для более поздних воспоминаний, а воспринимался как оригинальное образование в тексте последних» [1, с. 134].

Успешной является попытка О.Г. Егорова систематизировать комплекс исследуемых дневников на основании психологического, возрастного, структурно-организационного, дискурсивного, тематического критериев, а также критериев документальности, межжанрового взаимодействия и др. Так, по психологическому принципу О.Г. Егоров разграничивает *экстравертивный*, *интровертивный*, *переходный* и *осциллирующий дневники*. Первый из названных типов свойственен авторам-экстравертам, которые в своих записях широко охватывают реалии действительности – от семейно-бытовой жизни до международных дел. В *интровертивном* типе записей изложение материала коррелирует с внутренним состоянием диариста, а внешние раздражители лишь стимулируют проявления внутреннего мира на вербальном уровне. Такой дневник построен как анализ событий внутреннего мира автора или как осмысление существенных для него фактов внешней жизни. Объединяясь, два основных типа формируют качественно новое образование – *дневник с переменной типологией (переходный)*. В основе *осциллирующего* типа записей лежит не отстоявшийся взгляд на ту или иную сферу бытия, а динамика перехода с одного объекта на другой и на оборот. Такой дневник отражает, с одной стороны, душевный ритм его автора, с другой – трудности его семейной и социальной жизни.

Учет креативных наставлений диариста способствует делению записей по смысловому принципу. Согласно такому делению, доминантным является *семейно-бытовой дневник*: «утро, день, работа, отдых, дела, думы, встречи, трапезы – вот традиционный набор тем и сюжетов для повседневных записей. Композиция такой записи характеризуется чрезмерной строгостью и не зависит от событийной наполняемости дня» [1, с. 147]. *Путевой дневник* – популярный жанр не только дневниковой, но и всей нехудожественной прозы. Его содержание воспроизводит впечатления автора от увиденного, услышанного, познанного, а записи всегда отражают события суток. *Общественно-полити-*

ческий дневник – это третий жанровый тип, в котором приоритетным является отображение событий общественно-политической жизни. Он не предусматривает обязательного личного участия автора в общественной деятельности или ограничивает эту деятельность неофициальным статусом. Стимулом к ведению *служебного дневника* является не органическая потребность диариста, а жизненные обстоятельства временного характера.

На основании возрастного критерия ученый выделяет *дневники периода индивидуализации, дневники зрелого психологического возраста, дневники, начатые во второй половине жизни* и т.д. В первом из названных типов главным психологическим событием становится обретение душевной целостности, в нем отображена не вертикаль становления личности автора, а горизонтальный срез его психоэмоционального состояния. *Дневник зрелого психологического возраста* репрезентирует беседу автора с самим собой, в которой наряду с событиями внутренней жизни приобретают значимость текущие явления повседневной действительности. *Дневники второй половины жизни*, по мнению исследователя, актуальны, когда «работа сознания по самоосуществлению завершена». Такой дневник становится для человека инструментом психологического самовыражения и самокоррекции. Заметим, что на необходимости учитывать возрастной критерий акцентирует и К.Р. Кобрин: «Возрастные параметры авторов всегда следует иметь в виду, прежде всего, потому, что от этого часто зависит цель ведения дневника; от “кто” зависит “зачем”» [2, с. 290]. К «возрастному» типу цитируемый ученый причисляет *дневники детские, юношеские, старческие, предсмертные*.

Отмечая то, что классификация дневников должна базироваться также и на определенных закономерностях в методике отбора фактов, приемов, типизации и т.д., О.Г. Егоров предлагает считать степень документальности текстов одним из критериев их деления. В соответствии с ним ученый выделяет *художественные и документальные дневники*, в которых по-разному моделируется материал: в *художественных записях* герой имеет вымышленное имя, описывается вымышленная ситуация, а в *документальных* – герой, ситуация, время и место действия всегда реальны. «Домысливая» героя, синтезируя в нем типичные черты разных людей, изменяя и «украшая» ситуацию, диарист преобразует *документальные дневники в художественные*.

Не менее продуктивным критерием разграничения дневниковых записей О.Г. Егоров считает дискурсивный. На его основании ученый выделяет *дневники личные* (личностно-ориентированный тип дискурса) и *общественные* (статусно-ориентированный тип дискурса). Разновидности типов дискурсов определяет тематический критерий: *личностно-ориентированные дневники* разделены на *бытовые* и *бытийные*, а *статусно-ориентированные* – на *общественно-политические* и *служебные*. Если *личный дневник* предназначен для личного пользования автора или близких ему людей, то *дневник общественной жизни* бытует в газетно-журнальной периодике, тиражируется. Происходит изменение литературного статуса дневника.

Дневниковые записи с *непрерывной и дискретной композицией* разграничены на основании применения структурно-организационного критерия. О.Г. Егоров считает, что в *дневниках с непрерывной композицией* события группируются в естественной последовательности, а «организационная структура записей остается стабильной, даже если у них есть перерыв на несколько дней или недель» [1, с. 216]. Авторы таких дневников точно указывают дату, время и место каждой записи, отделяют описание событий абзацами, нумеруют их. В *дневниках с дискретной композицией* ведущей категорией является интертекстуальность, что нарушает линейность текста: автор чередует события дня с монологами, диалогами других персонажей, собственными размышлениями, воспоминаниями.

Новаторские научные подходы применены в дневниковедческих трудах М.Ю. Михеева. Среди основных направлений исследования ученого – определение критериев «дневниковости» и представление авторской классификации текстов. Все дневниковые записи, по мнению М.Ю. Михеева, можно условно разделить на два ряда: с одной стороны, *ориентированные на описание конкретного человека, наиболее тайной сущности его Ego*, а с другой – *на описание уникального в жизни автора события*. Отсюда и третий, промежуточный, тип – *описание быта выдающегося человека биографом*. Детально изучая внутренние подрубрики дневника, обусловленные центральными темами и выполняемыми функциями, исследователь различает такие «чисто внутренние жанры или деления, как дневник читателя, дневник собирателя книг (книжного коллекционера), читателя газет, слушателя музыки, театрального, кино- и телезрителя... Или опять-таки внутренние жанры дневника – это служебные (из той или иной специальности) записи, дневник путешествия, записи о погоде (дневник метеорологических наблюдений), о своем здоровье (и своих близких), дневник памятных дат, дневник-конспект, дневник-черновик – например, художественных произведений, стихов» [3, с. 20]. Бесспорно, каждый из них может содержать отдельные элементы различных типов дневников и имеет свою специфику языковой организации.

Среди важных параметров классификации дневников М.Ю. Михеев определяет их адресованность/безадресность, а также учет коммуникативного намерения диариста: «на одном конце классификации следует поместить *дневники, предназначенные исключительно для себя* (впоследствии уничтожаемые или обреченные на уничтожение, или специально зашифрованные от посторонних); на другом ее конце будут замаскированные под них *дневники-сенсации, которые сознательно рассчитаны на привлечение максимально широкого круга читателей*... Между двумя условными крайними точками в зависимости от количества людей, на которую дневник рассчитан, находят место и другие виды дневника – *написаны исключительно для себя* (варианты: для родных – жены, детей, родителей, для знакомых, товарищей по партии, коллег по профессии, единомышленников, людей одной с автором веры, национальности и т.д.), или *для всех и каждого, кого это только может заинтересовать*» [3, с. 107].

Специфику ведения дневниковых записей в значительной мере предопределяет профессия диариста. Учет этого критерия мотивирует деление текстов на *профессиональные* и *непрофессиональные*: «Перед нами открывается необозримое море дневников, с одной стороны, *собственно профессиональных* – рабочих тетрадей, блокнотов, черновики, дневниковых текстов писателя, журналиста, публициста, литературоведа, поэта, филолога, а с другой стороны, *дневников непрофессиональных*, например, когда их ведет ученый, военный, государственный деятель, кинорежиссер или некий “наивный” автор, даже простой обыватель» [3, с. 35]. В первой из указанных групп ученый выделяет записи, которые служат *вспомогательным материалом для дальнейшей работы, и самостоятельные, независимые от остального творчества тексты*. Во второй различает *дневники, ориентированные на профессиональную область*, которой автор занимается в жизни, и *дневники обычного человека*, репрезентирующие личную жизнь «без претензий на его уникальность». По наблюдению М.Ю. Михеева, промежуточный между *профессиональными* и *непрофессиональными* тип составляют дневники людей, филологически образованных, обладающих даром слова, но не считающих себя специалистами. Созвучное относительно классификации диариумных записей, связанных с профессией их авторов, мнение высказывает и К.Р. Кобрин: «Людей, ведущих дневники, можно условно разделить на три категории: «просто люди» – инженеры, рабочие, бухгалтеры и проч., которые привыкли регулярно записывать события своей жизни; «политики», которые ведут дневники с тайной целью «рассказать всю правду», оправдать себя или рассчитаться с врагами в глазах потомства; «люди искусства», в том чис-

ле писатели, для которых дневник частенько превращался то в мастерскую, то в светскую гостиную, то в исповедальню, то в очередное сочинение, но практически никогда – просто в перечень событий» [2, с. 289].

Тезис М.Ю. Михеева относительно определяющей роли профессиональной принадлежности автора дневника отрицает И.Л. Савкина. Вступая с ним в полемику, свою позицию исследователь аргументирует так: «Выделяя «разновидности дневника – по профессиям людей, его ведущих» ...автор по умолчанию предполагает, что дневниковое *Я* позиционирует себя внутри какой-то определенной профессиональной роли: человек пишет как врач или как провинциальный актер. Но даже если такое определение (типа «дневник кролиководы») дано не издателем дневника, а самим его автором, – насколько неколебимы стены этой идентификационной тюрьмы в процессе дневникового письма?» [4]. Как отмечает И.Л. Савкина, особенность дневниковых практик состоит именно в том, что в ней «идентичность постоянно (ре-/пере-/де-) конструируется в процессе письма. Нарративное *Я* – это субъект в процессе; оно никогда не готовое; оно расщепленное, изменчивое, противоречивое» [4].

Детальный анализ литературных дневников XX в., их содержания, формы, функций, особенностей происхождения, достоверности воспроизведения обстоятельств личной жизни автора и событий прошлого дали возможность О.Б. Бобровой сделать собственные выводы о типологии дневникового письма. Она разграничивает *дневники выдающихся личностей* и *дневники обычных людей* и анализирует каждый из указанных видов: «*Дневники выдающихся личностей* часто рассматриваются как род историко-биографических, историко-культурных документов, в которых воссоздается личность автора, его мировоззрение, взгляды, чувства, особенности языка. При всем многообразии творческих индивидуальностей писателей, несхожести судеб дневники имеют общую жанровую структуру и закономерности исторического развития» [5, с. 6]. Ценность *личных дневников*, по мнению О.Б. Бобровой, зависит от масштаба личности diarиста, следовательно *дневники обычных людей* приобретают художественный интерес и становятся незаурядным явлением документальной литературы только в случае, если они принадлежат человеку одаренному.

Подобные наблюдения относительно разновидностей дневникового письма высказывает С.П. Доценко. В исследованиях указанного автора речь идет о существовании *литературных, вымышленных дневников*, которые являются собственно произведениями; *настоящих дневников писателей* или записей, заранее предназначенных для публикации (в обоих случаях степень литературной завершенности текстов разная); *дневников обычных людей* – датированных записей о волнующих или необычных событиях в жизни автора. Как справедливо замечает С.П. Доценко, «дневники писателей, ученых, артистов, других великих людей, даже не предназначавшиеся для опубликования, тем не менее бывают очень выразительными, богаты мыслями, чувствами, идеями, а их художественная ценность часто соперничает со специально создаваемыми дневниками литературных героев» [6, с. 15].

Собственную концепцию классификации дневниковых текстов предлагает Е.В. Богданова. В дневниках, как наиболее субъективном и непосредственном виде мемуарных источников, она усматривает одно из приоритетных направлений личностного самовыражения для писателей. Это обстоятельство, по ее мнению, частично объясняет и ведение сугубо личных дневников, и вплетение диариумных записей в канву произведений. Таким образом, исследователь группирует анализируемые дневниковые тексты на *художественные* (герои и события записей, как и сам автор дневника, являются произведением авторского воображения), и *нехудожественные* (описывают невымышленную действительность и имеют реального автора). Одним из главных факторов для дифференциации указанных типов Е.В. Богданова считает язык дневников: «Язык

художественного дневника – это язык самого автора-повествователя. В свою очередь, *нехудожественный дневник* отражает индивидуальные особенности языка и манеру повествования, присущие реальному автору» [7, с. 29].

Классификация писательских дневников начала XX в., предложенная в диссертационном исследовании Е.М. Криволаповой [8], опирается на критерий авторского замысла. Именно он, по ее мнению, является определяющим в создании дневникового текста, поскольку «подчиняет себе всю предметную сферу» дневника, организует и выстраивает материал, определяет особенности «метода писания»: отбор фактографического материала, способы его презентации, структурные особенности и др. В авторском намерении проявляется «психологический тип» автора, его «дневниковый образ». Среди писателей-диаристов, творивших на рубеже XIX–XX вв., Е.М. Криволапова выделяет *авторов-мифологизаторов, авторов-летописцев и авторов-художников*. В каждом из созданных ими дневников прослеживается тот тематически, композиционно и стилистически устойчивый тип высказывания, который позволяет утверждать факт принадлежности к определенной жанровой разновидности в рамках дневникового текста.

О заинтересованности жанром дневника, в том числе и принципами его классификации, свидетельствуют дневниковедческие труды Н.Б. Банк. В монографическом исследовании [9] она приводит убедительные аргументы относительно использования тех критериев разграничения текстов, которые являются дифференциальными для выяснения особенностей их происхождения, достоверности воспроизведения обстоятельств личной жизни автора и событий прошлого. Характеризуя дневники как «пеструю и подвижную картину», Н.Б. Банк классифицирует тексты по хронологическим рамкам записей (*дневники, фиксирующие только один период в жизни автора, записи всей жизни*); по использованию дневников в художественных произведениях писателей (*дневники, являющиеся промежуточным этапом творчества автора, дневниковые книги – финал жизни писателя и др.*); по степени интимности, готовности к печати (*дневники, не предназначенные для печати; опубликованные посмертно; циклизированные дневники, преобразованные в самостоятельные книги самими авторами; дневники, которые не были закончены по причине смерти автора и подготовлены к печати родственниками или друзьями*).

В контексте предложенного деления дневниковых текстов уместно вспомнить об *экзистенциальном типе дневника*, отмеченном Т.Г. Щедриной: «способ письма, который фиксирует “живую” речь и тем самым позволяет человеку сохранить свою личность» [10, с. 349]. *Экзистенциальный дневник* ведут только в экстремальных ситуациях: перед лицом вины, смерти, тяжелых жизненных испытаний, стрессовых ситуаций, подводящих человека к «границам существования». Выход за эти границы меняет (положительно или отрицательно) конфигурацию жизненных принципов, личностных оценок, ценностных ориентиров.

Определяя жанровую природу дневников, их роль в историко-литературном процессе, собственную внутрижанровую классификацию текстов предлагает Н.Г. Брагина. Она делит дневниковые записи на *личные (интимные)* и *неличные*, акцентируя особое внимание на *личных дневниках* как классической форме бытования Эго-текстов. По ее мнению, термины *личное* и *интимное* – синонимичны и ассоциативно связаны с тайным, сокровенным: «Личный, интимный дневник ...автор должен оберегать от чужого глаза, он находится в сфере, закрытой для обсуждения. Вмешательство в нее нарушает этические нормы» [11]. И хотя личное как «закрытая территория» противопоставляется публичному, открытому, *личный (интимный) дневник* все-таки иногда может стать объектом публикации, а следовательно, расцениваться специалистами как факт истории, культуры, разновидность литературного произведения и источник массового чтения.

Степень документальности в классифицировании дневниковых текстов становится определяющей и для Е.Г. Новиковой [12]. Ее учет позволяет ученому выделить художественные, производственные и автобиографические дневники. Первый из указанных типов, считает Е.Г. Новикова, используется в литературном произведении для изображения значимых событий жизни и внутреннего мира героя, процесса становления его личности. *Производственный дневник* относится к официально-деловому стилю, ведется по заранее подготовленной форме и используется для фиксации результатов в определенной сфере профессиональной деятельности. Его содержание подчинено производственным целям, включая задачи, этапы работы, отметки о полученных результатах, выводы и перспективы исследования. *Художественные и производственные дневники* формируют «крайние случаи» межжанрового взаимодействия, между которыми существует поле переходности. В такой зоне синкретизма размещаются *дневник писателя* (объединяет свойства эпического произведения и автобиографического документа) и *служебный дневник* (имеет характерные черты автобиографического и официально-делового документа). *Автобиографический дневник* является типичным образцом мемуарного жанра, в котором в наибольшей степени актуализируются свойства классического дневника.

Концентрируя внимание на стилеобразующих параметрах публицистических дневников, М.Г. Чулюкина [13] констатирует, что их жанровые разновидности связаны с предметно-тематическими и функциональными особенностями, а также методами изложения в них материала. Автор развивает мысль Е.Г. Новиковой относительно активного распространения новой формы – *виртуального дневника*, который является типологически родственным дневнику классическому. Отличие между указанными типами, согласно концепции М.Г. Чулюкиной, определяет ориентация автора *виртуального дневника* на поиск людей, которые разделяют его жизненную позицию, для общения с ними. Расчет на мгновенное реагирование усиливает публицистическое значение таких дневников, хотя по содержанию большинство из них не относятся к публицистике.

Итак, отмечая наличие множества классификационных характеристик дневника, констатируем, что исследователи до сих пор расходятся во мнениях в определении основных дифференциальных признаков, учет которых способствовал бы созданию методологической базы для составления классификационных схем дневниковых модификаций. Классификации, построенные на основе только одного критерия (специальность, возраст, пол, психологические особенности diarиста, содержание дневника, признак интимности – публичности и т.п.), не могут считаться полными и исчерпывающими, поскольку «жанры функционируют как системы взаимообусловленных компонентов, и фокусирование на одном из них неизбежно приводит к противоречивым результатам» [14, с. 9].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егоров, О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра / О. Г. Егоров. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 280 с.
2. Кобрин, К. Р. Похвала дневнику [Электронный ресурс] / К. Р. Кобрин // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 61. – Режим доступа: <http://econdj.ru/d/Diary.html>.
3. Михеев, М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX) / М. Ю. Михеев. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 264 с.
4. Савкина, И. Теории и практики автобиографического письма (обзор новых книг) [Электронный ресурс] / И. Савкина // «НЛО». – 2008. – № 92. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/sa29.html>.

5. Боброва, О. Б. Дневник К. И. Чуковского в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О. Б. Боброва. – Волгоград, 2007. – 24 с.
6. Доценко, С. П. Надежней памяти бумага. Дневники / С. П. Доценко // Русский язык. – 2001. – № 37. – С. 14–15.
7. Богданова, Е. В. Языковые особенности жанра дневника / Е. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. – Тамбов : Грамота. – 2008. – Ч. 1, № 1. – С. 28–33.
8. Криволапова, Е. М. Жанр дневника в наследии писателей круга В. В. Розанова на рубеже XIX–XX веков : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / Е. М. Криволапова. – М., 2013. – 48 с.
9. Банк, Н. Нить времени. Дневники и записные книжки советских писателей / Н. Банк. – Л. : Сов. писатель, 1978. – 248 с.
10. Щедрина, Т. Г. Когда уходит «сфера разговора»... По дневникам Густава Шпета и Михаила Пришвина / Т. Г. Щедрина // Вопросы литературы. – 2009. – № 4. – С. 349–379.
11. Брагина, Н. Г. Личный дневник: границы исчезающего личного пространства [Электронный ресурс] / Н. Г. Брагина. – Режим доступа: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2008/thesis.htm>.
12. Новикова, Е. Г. Лингвистические особенности организации классического дневника в аспекте коммуникативной ситуации, реализуемой в данном типе текста [Электронный ресурс] / Е. Г. Новикова. – Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=4961.
13. Чулюкина, М. Г. Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.06 / М. Г. Чулюкина. – Казань, 2009. – 17 с.
14. Калинина, Е. И. Системно-структурное моделирование внутрижанрового пространства гипержанра «дневник» : на материале британской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. И. Калинина. – Кемерово, 2013. – 24 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05. 02. 2015

Syrko I.M. On the Issue of Classification of the Texts in Russian Diary Studies

The article deals with modern theories in Russian Diary Studies, concerning the main distinctive features and criteria of a diary. It has been clarified that considering these features helps to create classification schemes of the diary modifications. The following criteria have been highlighted: the objective need, purpose, objectives, ideological-and-semantic content, presence of the literary processing, degree of completion, time of writing, method of selecting the material, object of description, psychological type of the author's personality and others. It has been proved that classifications, based on only one criterion, cannot be considered as complete ones.